

ТАЙНА ГОР

Альмина Итаева

Альмина Итаева

ТАЙНА ГОР

«Автор»

2026

Итаева А.

ТАЙНА ГОР / А. Итаева — «Автор», 2026

1920-е годы, горное чеченское село. Альмина с глазами цвета неба сосватана богатому Адлану, но сердце её тянется к Зубайру — соседскому хулигану, который младше годами, но вступает за неё у родника как настоящий мужчина. Зубайр не знает, что его отец, год назад ушедший за дровами, жив и скрывается в горах абреком. Эту тайну хранит только отец Альмины. Отвергнутый Адлан замышляет украсть девушку. А над селом — тень прошлого: здесь бесчинствовал карательный отряд Алексева, бесследно исчезнувший в ущелье. Тела пятнадцати красноармейцев похоронили на холме, но командир пропал. Теперь пришли люди с наганами — ищут ответы. Смогут ли Зубайр и Альмина отстоять своё счастье? И что хранит старый каменный памятник на горе? Роман о любви, чести и тайнах, которые рано или поздно открываются.

© Итаева А., 2026

© Автор, 2026

Альмина Итаева

ТАЙНА ГОР

Глава 1. Скрытый интерес.

Альмина сидела на невысокой табуретке посреди двора, и её длинные, густые каштановые волосы струились вниз, почти касаясь нагретой солнцем земли. День клонился к вечеру, зной спадал, и тень от старого орехового дерева давала желанную прохладу. Она медленно, с привычной лёгкостью проводила деревянным гребнем по прядям, начиная от самых корней и до самых кончиков. Волосы, пшеничного оттенка с медным отливом, мягко поблескивали в лучах заходящего солнца.

Соседки, проходя мимо их сакли, всегда останавливали взгляд на Альмине, но не потому, что она была шумной или заметной. Напротив, её скромность была такой же глубокой и естественной, как цвет её удивительных глаз – светло-голубых, что было редкостью в этих краях и досталось ей в память о бабушке с гор. В свои девятнадцать лет Альмина была воплощением терпения и тихой гордости своего рода. Она не опускала глаза, когда с ней заговаривали старшие, но и не позволяла себе лишнего слова или взгляда.

В доме уже хлопотала нана, готовя ужин, а отец должен был вот-вот вернуться с вечерней молитвы из мечети. В этом распорядке, в этом покое и была жизнь Альмины. Но покой этот был обманчив, потому что в доме росла буря, и имя ей было Холум.

– Альмина, ну посмотри, какая она красивая! – раздался звонкий голос, и во двор вихрем влетела младшая сестра, Холум. Ей было пятнадцать, и, в отличие от старшей, её глаза цвета горького шоколада вечно горели озорством, а короткие, вечно растрепанные волосы выбивались из-под платка, который она терпеть не могла носить правильно.

В руках Холум держала какую-то яркую тряпицу, которую тут же принялась разворачивать перед лицом сестры.

– Это для моей куклы! Я ей новый наряд шью, – затараторила она. – Представляешь, я нашла этот лоскут в нанином сундуке. Думаю, она не заметит.

– Холум, – голос Альмины был тих, но твёрд. – Положи на место. Нана заметит. И не бегай так по двору, люди увидят.

– Пусть видят! – фыркнула Холум, подпрыгивая на одной ноге. – Я не ворую, я беру поносить. Ой, смотри! – она резко замерла и выглянула за калитку. – Зубайр идёт.

Сердце Альмины пропустило удар. Она не подняла головы, продолжая перебирать волосы, но пальцы её на мгновение сжали гребень сильнее. Зубайр, сын их соседки, был ровесником Холум, но в свои пятнадцать уже успел прослыть первым задирой и балагуром на улице. Высокий, худощавый, с вечно смеющимися глазами, он то помогал старикам, то таскал яблоки из чужих садов, и его звонкий смех частенько раздавался по всей округе.

Холум, прильнув к щели в заборе, захихикала.

– Идёт, насвистывает что-то. И штаны свои опять перепачкал, наверное, опять за голубями лазил. Эй, Зубайр! – вдруг крикнула она.

– Тихо ты, бесстыжая! – зашипела Альмина, дёрнув сестру за подол платья.

Но Холум уже высунула нос в щель.

– Зубайр, ты чего такой чумазый? Опять по стрижей из рогатки стрелял? Стыдно! Такой большой, а ума нет!

Зубайр остановился, услышав насмешливый голосок. Он обернулся к забору, за которым угадывался двор их семьи, и, ничуть не обидевшись, широко улыбнулся.

– А, Холум-хулиганка! – крикнул он в ответ. – Я не по стрижей, я по воробьям! А ты чего прячешься? Выходи, научу стрелять!

– Ещё чего! – фыркнула Холум, но глаза её горели азартом. – Моя сестра говорит, что девушке с парнями разговаривать – последнее дело. Так что иди мимо, Зубайр-пачкун, не отвлекай нас от дел!

Альмина от возмущения даже подняла голову. Её голубые глаза метали молнии.

– Холум, замолчи сейчас же! – прошептала она гневно. – Что ты несёшь? При чём здесь я?

– Так это ж я тебя прикрываю, – шепнула в ответ Холум, беззаботно пожав плечами. – Скажу, что это ты так велела, чтобы он не подходил.

Зубайр, услышав про сестру, на мгновение замер. Он, конечно, не видел Альмину, но знал, что она здесь, за этим старым забором. Его взгляд на долю секунды стал серьёзнее, но потом он снова рассмеялся.

– Ладно, Холум, передавай сестре большой привет! И скажи, что гребень у неё красивый. Я издали видел, как солнце на волосах играет. Как река в горах блестит! – крикнул он и, насвистывая, зашагал дальше.

Холум зашлась беззвучным смехом, зажимая рот ладошкой. Она обернулась к сестре и скорчила уморительную рожицу, передразнивая Зубайра:

– «Как река в горах блестит!» Ой, не могу! Влюбился он в тебя, что ли, Альмина?

Краска стыда и смущения залила щёки Альмины. Она резко встала, подхватив тяжёлую косу и перекинув её через плечо.

– Дурочка ты ещё, Холум. Совсем ничего не понимаешь, – голос её дрогнул. – Не дело это – выкрикивать такое через забор. И про меня говорить. Не смей больше так.

– Да ладно тебе, – Холум подскочила к ней и обняла за талию. – Я же пошутила. Он просто дурак. А волосы у тебя и правда красивые. Прямо как у русалки, про которых в книжках пишут.

– Какие ещё русалки? – вздохнула Альмина, но гнев её уже утих. На Холум невозможно было долго сердиться. – Грех это. Пойдём лучше нане поможем, пока отец не пришёл.

Холум чмокнула сестру в плечо и, прижимая к себе злополучный лоскут, поскакала в дом. Альмина же задержалась во дворе. Солнце почти село, и сумерки мягко опускались на село. Она машинально поправила платок, плотнее укрыв голову, и посмотрела в сторону, куда ушёл Зубайр.

Ветер донёс запах чабреца и тёплой пыли. А в ушах всё ещё звучали его дерзкие, не положенные слова: «Как река в горах блестит». Альмина тряхнула головой, отгоняя наваждение, и тихо вошла в дом, где уже слышалась воркотня наны и звонкий щебет неисправимой Холум.

Глава 2. Запах черемши

Зубайр шёл по улице, сунув руки в карманы широких штанов, но привычной лёгкости в походке не было. Он то сбивался с шага, то начинал насвистывать и тут же замолкал, потому что мелодия вылетала из головы, стоило только мыслям свернуть не туда.

А мысли сворачивали постоянно. И вели они напрямик к забору дома соседей.

«И зачем я ляпнул про эту реку? – мысленно ругал он себя, краснея до корней волос. – Дурак! Какая река? При чём тут река? Она, наверное, подумала, что я совсем обезумел».

Он вспомнил, как мелькнула в щели забора её фигура, когда он проходил мимо. Он даже не разглядел лица, только тень, но почему-то именно сейчас, в сумерках, перед его глазами стояло не это, а то, что он видел издали раньше: как она сидела во дворе с гребнем, как солнце путалось в её каштановых волосах, делая их похожими на дорогой шёлк. А глаза... Говорили, у Альмины глаза небесного цвета. В их селе, где у всех глаза были тёмными, как спелая вишня, это казалось чудом.

– Тьфу ты, – Зубайр сплюнул в пыль и ускорил шаг. – Делами надо заниматься, а не ерунду в голове держать.

Он почти бегом свернул к конюшне, которая стояла на отшибе, у самого подножия холма. Там его ждал старший брат, Руслан. Строгий, серьёзный, с густой чёрной бородой, он был для Зубайра примером во всём. И именно перед Русланом Зубайру меньше всего хотелось краснеть и мямлить о каких-то глупостях.

Жеребец, которого они привели из последней поездки в Осетию, был статью гордости. Высокий, тонконогий, с диковатым огоньком в глазах. Но после возвращения домой он начал прихрамывать на правую переднюю ногу. Руслан подозревал, что в копыто мог попасть камень или конь потянул сухожилие на горной тропе.

– Быстрее шевели ногами! – донёсся до Зубайра нетерпеливый окрик брата, едва тот показался у ворот. Руслан уже стоял возле конюшни, опершись на жердь изгороди. – Я тут стою, жду его, а он прохлаждается где-то!

– Иду я, иду, – буркнул Зубайр, ныряя под навес.

В конюшне пахло сеном, кожей и лошадиным потом. Жеребец, почуяв людей, тихо всхрапнул и переступил с ноги на ногу. Руслан тут же присел на корточки, жестом велел Зубайру держать коня под уздцы.

– Давай смотреть, – брат нахмурился, ощупывая ногу жеребца. – Тут жар чувствуется. Может, и правда растяжение. Надо примочки делать, покой обеспечить. Завтра с утра принесу трав. А ты после утренней молитвы проверишь, как он копыто ставит. Понял?

– Понял, – кивнул Зубайр, но голос его прозвучал глухо.

Руслан поднял голову и внимательно посмотрел на брата. Тот стоял, уставившись в одну точку, и, кажется, даже не моргал.

– Ты чего это? – Руслан выпрямился во весь свой немалый рост. – Случилось что?

– А? Нет. Ничего не случилось, – Зубайр дёрнулся, как от удара током, и снова густо покраснел. Хорошо, в конюшне было темно, и брат вряд ли мог разглядеть его лицо. – Я просто... о жеребце думаю. Как бы поправить.

– Думает он, – хмыкнул Руслан, но в голосе его послышалась усмешка. – Ладно, иди уже. Завтра чуть свет будь тут. И смотри, не просп.

Зубайр выскочил из конюшни, как ошпаренный. Надо было возвращаться домой, но идти по прямой не хотелось. Он свернул в обход, через старую часть села, где стояли полуразвалившиеся сакли и густо росла крапива. Там было безлюдно, можно было спокойно собраться с мыслями.

Мысли, однако, собираться не желали. Вместо жеребца перед глазами снова встала Альмина. Как она сидела во дворе, как опускала глаза... Интересно, какой у неё голос? Он слышал только, как она шикала на Холум, но это было сердитое, приглушённое. А какой он на самом деле? Мягкий? Звонкий?

– Эй! – раздалось прямо перед ним. – Эге-гей!

Зубайр вздрогнул и чуть не споткнулся о собственные ноги. Прямо на него, вынырнув из высокой травы у плетня, двигалась странная фигура. Это был Хонк – сельский дурачок, которого все давно уже забыли, как звали на самом деле.

Хонк был тощим, как жердь, с вечно спутанной бородёнкой и безумными, но добрыми глазами. Прозвище своё он получил за то, что питался одной черемшой. Он мог есть её сырой, варёной, солёной, и запах чеснока преследовал его повсюду, въевшись в одежду, кожу и, казалось, даже в душу. Бабушки в селе говорили, что Хонк потому и умом тронулся, что черемши объелся в детстве.

Сейчас Хонк передвигался по улице как-то странно: он то делал два обычных шага, то вдруг подпрыгивал на месте, взмахивая руками, будто пытался взлететь.

Увидев Зубайра, Хонк резко замер на одной ноге, как цапля, и уставился на него выпученными глазами.

– А-а-а, Зубайр! – завопил он радостно. – Зубайр-байр-байр! А я тебя ищу!

– Чего тебе, Хонк? – настороженно спросил Зубайр, делая шаг в сторону, чтобы обойти дурачка.

Но Хонк, не опуская ноги, запрыгал к нему бачком.

– Я видел! Я всё видел! – затараторил он, тыча в Зубайра корявым пальцем. – Ты там стоял! У забора! А она там сидела! С расческой! – Хонк изобразил, как расчёсывает волосы, при этом чуть не свалился в крапиву. – А-ха-ха! Жених! Жених нашёлся!

Зубайра бросило в жар. Он оглянулся по сторонам – не дай Аллах, кто услышит эту чесночную трещотку!

– Тише ты, Хонк! – зашипел он. – Ничего я не стоял! Я мимо шёл! Иди своей дорогой!

– Мимо? – Хонк наклонил голову, как любопытная птица. – А чего тогда носом в забор уткнулся? Нюхал? – он шумно втянул воздух и тут же сам себе ответил: – Нет, у них не пахнет! У них бараниной пахнет! А у меня – вот! – Хонк с гордостью вытащил из-за пазухи огромный пучок черемши и помахал им перед лицом Зубайра. – Хочешь? Угощаю! Бесплатно! Для жениха ничего не жалко!

От пучка разило так, что у Зубайра зашипало в носу и глаза начали слезиться.

– Убери, – прошипел он, отмахиваясь. – На кой мне твоя черемша?

– Как это на кой? – искренне удивился Хонк. – Ты поешь – и сразу умным станешь! Как я! – он гордо выпятил тощую грудь. – Понял тогда, что делать надо. Подойдешь к забору и скажешь: «Альмина, выходи за меня! У меня черемши много! Будем вместе есть и счастливо жить!»

Зубайр закашлялся то ли от смеха, то ли от чесночного духа. Предложение Хонка было настолько диким и нелепым, что даже его собственное смущение показалось ему вдруг смешным.

– Слушай, Хонк, – выдал из себя, утирая выступившие от запаха слёзы. – Ты бы лучше своей черемшой коня накормил. Вон, у нас жеребец хромает. Может, чеснок ему поможет?

Хонк задумался. Это был сложный мыслительный процесс, отразившийся на его лице сменой нескольких гримас.

– Коня? – переспросил он. – А конь любит черемшу?

– А то! – соврал Зубайр, входя во вкус. – Лошади её обожают. Съест – и сразу скакать начнёт, как молодой!

Хонк посмотрел на свой пучок, потом на Зубайра, потом снова на пучок. В глазах его боролись жадность и желание помочь.

– Ладно, – наконец решил он. – Для коня не жалко. Но ты ему скажи, что это я, Хонк, передал. Пусть знает! – и с этими словами он сунул вязку черемши прямо в руки опешившему Зубайру.

– Да погоди ты... – начал было Зубайр, но Хонк уже не слушал.

Он снова встал на одну ногу и, подпрыгивая и взмахивая руками, двинулся дальше по улице, распевая во всё горло:

– Черемша-а-а! Кому черемшу-у-у! Женихам бесплатно-о-о!

Зубайр проводил его взглядом и посмотрел на пучок в своих руках. Запах был убойный. Он рассмеялся – сначала тихо, потом в голос. Ну и денёк сегодня выдался! То краснел перед забором, как девица, то стоит посреди улицы с черемшой для коня, которую ему вручил местный дурачок, принявший его за жениха.

– Жених, – фыркнул Зубайр, заворачивая черемшу в полу черкески, чтобы хоть немного сбить запах. – Нашёлся жених с черемшой.

Он пошёл домой, но настроение его переменилось. Тревога и смущение отступили, уступив место чему-то новому, тёплому и щекотному, как солнечный луч, пробившийся сквозь листву. И запах чеснока, как ни странно, этому ничуть не мешал.

Глава 3. У родника

Два дня назад в село приехали сваты.
Альмина узнала об этом ещё утром – Холум влетела в комнату с круглыми от возбуждения глазами.

– Альмина! Там всадники! Четыре человека! А впереди этот, боров – черкеска новая, кинжал серебром сверкает! Говорят, из соседнего села, из богатого рода! К нам едут!

Альмина замерла с гребнем в руках. Сердце её ухнуло куда-то вниз.

– К нам? Зачем?

– Глупая! – Холум всплеснула руками. – Свататься, конечно!

Весь день в доме стояла непривычная суета. Мать хлопотала у очага, отец надел новую папаху и вышел за ворота. А Альмина сидела в своей комнате, не поднимаясь на улицу, и слушала, как за стеной гудят мужские голоса, как произносят её имя, как обсуждают её судьбу.

Она не видела жениха – её не позвали. Так было заведено: сначала мужчины договариваются, потом показывают невесту. Но она знала, что это Адлан. Тот самый, что приезжал на свадьбу к родственникам два месяца назад и не сводил с неё масляных глаз.

Он ей не нравился. Совсем. Что-то было в нём такое... скользкое, наглое, будто он заранее знал, что она никуда не денется.

Гости пробыли не долго. А когда уехали, мать вошла к ней с просветлённым лицом.

– Хорошая семья, дочка. Богатая. А парень, Адлан, глаз с двери не сводил, всё ждал, когда ты выйдешь. Сватовство приняли. Послезавтра приедут с ответом.

Альмина молчала, вцепившись пальцами в край постели.

– Ты чего не рада? – встревожилась мать. – Или есть кто на примете?

– Нет, нана. Никого нет.

Она соврала. И сама не поняла – почему.

На следующий день, ближе к вечеру, мать попросила её сходить к роднику. Вода в доме закончилась, а стирки было много. Альмина обрадовалась возможности выйти, глотнуть свежего воздуха, побыть одной.

Она накинула большой платок, подхватила пустой глиняный кувшин и, привычно устроив его на плече, пошла вниз по тропинке, к роднику, что бил из-под скалы в конце села.

Вечер был тихий, тёплый. Солнце уже пряталось за горы, длинные тени легли на пыльную дорогу. Альмина шла, опустив глаза, стараясь ни о чём не думать. Запах чабреца, донесшийся с холма, вдруг напомнил ей о Зубайре. Почему-то ей казалось, что от него пахнет именно так – ветром, горами и чуть-чуть конским потом. По-мужски.

У родника, где журчала вода, стекая в выдолбленную каменную чашу, было пусто. Альмина облегчённо вздохнула, присела на корточки и начала наполнять кувшин. Холодная вода приятно обжигала пальцы.

– Красавица, – раздалось за спиной.

Альмина вздрогнула, едва не выронив кувшин. Она резко обернулась и увидела Адлана.

Он стоял в двух шагах от неё, опершись плечом о ствол старого карагача, и нагло улыбался. На нём была тонкая черкеска из дорогого сукна, на поясе – кинжал с серебряной насечкой, папаха сдвинута набекрень. Сапоги его, добротные, со сбитыми каблуками, густо покрыты пылью – видно, шёл пешком откуда-то издалека, коня привязал поодаль, чтобы не светиться раньше времени.

– Адлан, – выдохнула Альмина, поднимаясь и инстинктивно поправляя платок. – Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду, – просто ответил он, не двигаясь с места. – Со вчерашнего дня только тебя и вижу. Во сне и наяву. Думаешь, легко это – видеть такую красоту и не мочь прикоснуться?

– Тебе не положено здесь быть, – твёрдо сказала Альмина, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Это нехорошо. Люди увидят.

– Пусть видят, – Адлан усмехнулся и шагнул ближе. – Послезавтра твой отец скажет «да». Какая разница, кто что увидит? Мы почти родня.

– Почти – не значит уже, – Альмина попятилась, но упёрлась спиной в скалу. – Уходи. Не позорь ни себя, ни меня.

– Позор? – Адлан приподнял бровь, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на обиду, но тут же сменилось насмешкой. – Ты называешь позором то, что я хочу поговорить со своей будущей женой? Узнать её, понять... Ты же мне не чужая будешь.

– Чужая, – прошептала Альмина, сжимая кувшин так, что пальцы побелели. — Нам сейчас разговаривать нам не о чем. Всё, что нужно, скажут старшие.

– Старшие скажут своё, – Адлан сделал ещё шаг, сокращая расстояние между ними до полутора метров. – А я хочу услышать твоё. Ты рада, что выходишь за меня?

Альмина подняла на него глаза. В них не было радости – только непримиримость и лёд.

– Разве это важно?

– Для меня – да, – Адлан склонил голову набок, разглядывая её, как дорогую вещь на базаре. – Я хочу, чтобы ты шла за меня с радостью. Чтобы ты ждала меня, думала обо мне... чтобы ты знала: я дам тебе всё. Золото, шёлк, дом – всё, что пожелаешь.

– Я ничего не желаю, – тихо сказала Альмина.

– О-о-о, – протянул Адлан, и глаза его блеснули. – Какая гордая. А мне такие и нравятся. С огнём, с характером. Скучных дома достали. А ты как дикая кошка – сама не идёшь, но и не убегаешь. Я таких люблю приручать.

– Я тебе не кошка, – голос Альмины дрогнул от гнева. – Я человек. И приручать меня не надо.

– А что надо? – Адлан шагнул вплотную, так что она почувствовала запах дорогих благовоний, смешанный с конским потом. – Скажи, что тебе надо, и я дам. Серёжки? Кольцо? Платок турецкий? Всё будет. Только не смотри на меня, как на врага.

– Ты не враг, – Альмина с трудом сглотнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. – Ты чужой. И пока не стал своим, не смей подходить так близко.

Адлан отступил на полшага, но не убрал взгляда.

– Упрямая, – сказал он с одобрением. – Это хорошо. Такие жёны – верные. Я знаю. У меня была одна... – он осёкся, но тут же продолжил: – Были женщины. Но ты – особенная. Я сразу понял, когда увидел тебя на свадьбе. Твои глаза... таких глаз я ни у кого не видел. Как небо после дождя.

Альмина молчала, вцепившись в кувшин. Каждая клеточка её тела кричала: «Беги!» Но ноги не слушались.

– Ты боишься меня? – вдруг спросил Адлан, и в голосе его послышалось неподдельное удивление. – Не бойся. Я не зверь. Я мужчина. Буду тебя беречь, как зеницу ока. Никто не посмеет пальцем тронуть. Ты будешь как царица.

– Я не хочу быть царицей, – прошептала Альмина. – Я хочу... чтобы меня оставили в покое.

– Поздно, – усмехнулся Адлан. – Я уже не оставлю. Так что привыкай.

Он протянул руку и дотронулся до конца её косы, что выбилась из-под платка и лежала на груди. Альмина отдёрнулась, как от ожога.

– Не смей! – голос её сорвался на крик.

– Тише, тише, – Адлан поднял руки в примирительном жесте, но глаза его оставались холодными. – Что ты, как дикая? Я же ласково. По-хорошему.

– Не надо никак! – выдохнула Альмина, пятясь вдоль скалы. – Уходи. Сейчас же. Иначе...

– Иначе что? – Адлан шагнул за ней. – Позовёшь отца? Так он далеко. Брата? У тебя нет брата. Кто тебя защитит, красавица?

– Я сама себя защищу, – Альмина вскинула кувшин, готовая ударить. В глазах её, голубых, как горное озеро, полыхнуло пламя.

Адлан замер, глядя на неё с новым интересом.

– Ого, – сказал он тихо. – А ты и правда с огнём. Тебя нельзя отпускать. С такой не соскучишься.

– Я сказала – уходи! – крикнула Альмина, и голос её эхом заметался между скал.

– А ну отошёл от неё.

Оба вздрогнули и обернулись.

Зубайр стоял в десяти шагах, сжимая кулаки. Лицо его было бледным, скулы ходили ходуном, а в глазах горело такое, чего Альмина никогда раньше не видела. Он был без папахи, волосы растрепались, черкеска расстёгнута, грудь тяжело вздымалась – видно, бежал сюда со всех ног, увидев что-то с тропы.

– Ты кто такой? – Адлан опешил, но быстро взял себя в руки. Он оглядел Зубайра с ног до головы и усмехнулся: – А, местный... Мальчик, иди отсюда, пока цел. Не твоего ума дело.

– Это моё дело, – голос Зубайра звучал глухо, но твёрдо. Он шагнул вперёд, заслоня Альмину спиной. Она почувствовала запах пота и трав – и почему-то перестала бояться.

– Твоё? – Адлан приподнял бровь. – С каких это пор чужие невесты – твоё дело?

При слове «невеста», Зубайр вздрогнул как ошпаренный.

– Она тебе не невеста, – Зубайр не сводил с него глаз. – Пока не невеста. И ведёшь ты себя не как жених, а как базарный вор.

– Что ты сказал? – Адлан шагнул к нему, и они оказались почти вплотную. Адлан был старше, но Зубайр не отступил.

– Я сказал то, что слышал, – спокойно ответил Зубайр. – Ты пришёл один, без старших, ловишь девушку у родника, пугаешь её, трогаешь руками. По какому такому обычаю это позволено, скажи?

– По обычаю жениха, который уже почти породнился с её семьёй, – процедил Адлан. – А ты кто такой, чтобы меня судить? Сосед? Мальчишка?

– Я человек, – Зубайр говорил тихо, но в голосе его звенела сталь. – И я вижу, как ты себя ведёшь. Не по-мужски.

– Ты меня учить будешь? – Адлан шагнул ещё ближе, почти касаясь грудью Зубайра. – Ты, щенок, который даже бриться ещё не начал?

– Учю не я – Аллах учит, – Зубайр не отводил взгляда. – А Аллах говорит: уважай женщину, даже если она чужая. А ты не уважаешь.

– Я? – Адлан рассмеялся, но смех вышел натянутым. – Да я с ней ласково говорю, а она... она дикая, как горная коза. Учить её надо.

– Учить? – Зубайр сузил глаза. – Ты здесь не учитель. Убирайся, Адлан. Пока я тебя не погнал пинком

– Ты? – Адлан опешил. – Ты меня? Да я тебя одной левой...

Он не договорил. Зубайр шагнул вперёд, и они оказались грудь в грудь. Воздух между ними, казалось, накалился добела.

– Попробуй, – тихо сказал Зубайр. – Только запомни: здесь моя земля. Мои горы. Мои люди. Ты здесь чужой. И если ты хоть пальцем тронешь Альмину или меня, ты из этого ущелья живым не выйдешь.

Адлан побледнел. Рука его дёрнулась к кинжалу на поясе, но в глазах Зубайра горело что-то такое, отчего рука так и не решилась вытащить оружие.

– Ты понимаешь, что говоришь? – прошипел Адлан. – За такие слова кровь проливают.

– Проливают, – кивнул Зубайр. – Только не здесь и не сейчас. Убирайся. И запомни: если ещё раз подойдёшь к ней без старших – я тебя найду. Где бы ты ни был.

Секунду они стояли, буравя друг друга взглядами. Потом Адлан отступил на полшага, сплюнул под ноги.

– Ладно, – процедил он. – Запомню я тебя, мальчик. И это тебе даром не пройдёт. Я своего добыю. А ты... ты ещё пожалеешь.

– Иди уже, – устало сказал Зубайр.

Адлан развернулся и зашагал вверх по тропе, туда, где за валунами был привязан его породистый жеребец. Только когда его фигура скрылась за поворотом, Зубайр перевёл дух и медленно повернулся к Альмине.

Она стояла, прижимая кувшин к груди, и смотрела на него так, будто видела впервые. Платок сбился, коса растрепалась, на щеках горел лихорадочный румянец.

– Ты как? – спросил Зубайр тихо. Голос его вдруг потерял всю свою стальную твёрдость, стал каким-то чужим, почти мальчишеским. – Он не сделал тебе больно?

– Нет, – прошептала Альмина. – Нет... ты вовремя.

– Я увидел с тропы, – Зубайр отвёл глаза. – Как он к тебе подходил...

Они замолчали. В ущелье слышно было только, как журчит вода в роднике да где-то далеко кричит птица.

– Зачем ты вмешался? – спросила наконец Альмина. – Он же теперь... он злопамятный. Он может...

– Пусть, – перебил Зубайр. – Не мог я смотреть, как он к тебе прикасается.

Альмина подняла на него глаза – и в них вдруг блеснули слёзы.

– Спасибо, – сказала она тихо. – Ты... ты настоящий мужчина, Зубайр.

Он вспыхнул, покраснел до корней волос, махнул рукой.

– Иди домой, Альмина. Уже темнеет. Я провожу.

– Не надо, – она покачала головой. – Сама дойду. А если увидят...

– Понял, – Зубайр отступил. – Ты только... будь осторожна. Он не отстанет.

– Знаю, – вздохнула она. – Знаю.

Они разошлись – она вверх по тропе к селу, он вниз, к конюшне. Но оба оглянулись одновременно. И встретились взглядами.

Альмина нырнула в сумерки, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу. А Зубайр пошёл дальше, и на лице его блуждала странная, счастливая и тревожная одновременно, улыбка.

Глава 4. Трое в раздоре

Адлан влетел во двор своего дома, как дикий зверь, загнанный в угол. Коня он бросил у ворот, даже не привязав – пусть работники сами уводят. Папаха сбилась на затылок, черкеска расстегнулась, на лбу выступила испарина. Он пнул ногой пустое ведро, попавшее под руку, и оно с грохотом покатило по двору, распугав кур.

– Ваха! – рявкнул он так, что из конюшни пулей вылетел молодой работник, татарин Ваха, нанятый отцом за бесценюк. – Ты чего стоишь, ишак безмозглый? Конь не убран! Седло не снято!

– Сейчас, Адлан, сейчас, – залепетал Ваха, бросаясь к жеребцу, который испуганно косил глазом.

– Сейчас? – Адлан подскочил к нему и с силой толкнул в плечо. Ваха пошатнулся, ударился спиной о столб конюшни. – Я тебе покажу «сейчас»! Чтобы через минуту конь был чищен, накормлен и поён! А не сделаешь – выгоню в шею, понял?

– Понял, понял, – бормотал Ваха, трясущимися руками принимаясь за подпругу.

Адлан сплюнул и пошёл в дом. В сенях он сбил плечом какую-то корзину, рассыпав сушёные яблоки по полу. Из кухни высунулась мать, испуганно всплеснув руками.

– Сынок, что случилось? Ты чего такой?

– Не лезь, нана! – рявкнул он, даже не взглянув на неё. – Где отец?

– В большой комнате, с гостями, – пролепетала мать. – Там дядя Магомед приехал, по делу...

Адлан ворвался в комнату, не постучавшись. Отец его, грузный мужчина с тяжёлым взглядом, сидел на почётном месте, рядом с ним – дальний родственник Магомед. Оба пили чай.

– Ты чего врываешься? – отец нахмурился, отставляя пиалу. – Стыда нет?

– Есть разговор, – процедил Адлан, не глядя на Магомеда. – Важный.

Отец понял по лицу сына, что дело серьёзное. Извинился перед гостем, вышел в коридор.

– Ну?

– Эта девка, Альмина, – зашипел Адлан, сжимая кулаки. – Она мне от ворот поворот дала. У родника. Прилюдно. А этот... щенок соседский, Зубайр, вступился. Меня чуть не побил.

Отец нахмурился ещё сильнее.

– Какой Зубайр? Сын вдовы Зулейхи?

– Он самый. Мальчишка, пятнадцать лет, а туда же – передо мной выёживаться, – Адлан аж побелел от злости. – Я этого так не оставлю. Завтра же поеду к её отцу. Пусть приструнит дочь. А этому щенку...

– Цыц! – оборвал его отец. – Не смей ничего делать сгоряча. Завтра поедем вместе. Я сам поговорю с Мохьмад-Хъажем. Если они слово дали, назад не возьмут. А с мальчишкой... разберёмся потом. Не время сейчас шум поднимать.

– Но отец...

– Я сказал – не время! – отрезал отец. – Иди остынь. На людей не кидайся.

Адлан вышел, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла. В конюшне он снова налетел на Ваху, который чистил жеребца.

– Чего возишься, баран? – заорал он, вырывая скребницу из рук работника. – Сам сделаю! А ты иди с глаз моих долой, пока я тебя не прибил!

Ваха выскочил из конюшни, прижимаясь к стене, и долго ещё сидел за поленницей, боясь показаться на глаза хозяину. А Адлан до поздней ночи метался по двору, пинал всё, что попало под ноги, и думал только об одном: о голубых глазах Альмины, которые смотрели на него с презрением, и о мальчишке, посмевавшем встать между ними.

Альмина вернулась домой сама не своя. Кувшин она несла, прижимая к груди обеими руками, словно он мог защитить её от всего мира. Платок сбился, коса растрепалась, на подоле платья темнело мокрое пятно – расплескала воду, когда тряслись руки.

Во дворе она столкнулась с Холум. Та, увидев лицо сестры, даже рот открыла от удивления.

– Альмина! Ты чего? На тебе лица нет! Случилось что?

– Ничего не случилось, – отрезала Альмина, проходя мимо.

– Как ничего? Ты белая, как полотно! А платок набок съехал! Тебя кто обидел?

– Холум, отстань, – бросила Альмина, но та не отставала, вбежала за ней в комнату.

– Не отстану! Говори, что стряслось? Этот Адлан? Он что-то сделал?

Альмина резко обернулась, и Холум впервые в жизни увидела в глазах старшей сестры не мягкость и терпение, а сталь.

– Слушай меня внимательно, – тихо, но твёрдо сказала Альмина. – За Адлана я не выйду. Никогда. Пусть хоть все старшие мира соберутся и решают мою судьбу – я скажу «нет». Поняла?

Холум моргнула, не веря своим ушам. Эта Альмина – всегда послушная, всегда тихая, всегда «как скажут старшие» – сейчас говорила так, словно сама стала старшей.

– Но... как же... нана с отцом...

– Я сама скажу нане с отцом, – перебила Альмина. – А ты пока помолчи. Никому ни слова. Особенно о том, что я сейчас сказала.

Холум кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она выскользнула из комнаты, а Альмина села на край постели, уставившись в одну точку. Перед глазами стоял Зубайр. Как он заслонил её спиной. Как смотрел на Адлана – без страха, без сомнения, как настоящий мужчина. Как повернулся к ней и спросил: «Ты как?» – и голос у него дрогнул.

«Мальчишка, – подумала она. – Пятнадцать лет. А ведёт себя так, как Адлану в его двадцать три не снилось».

Вечером, когда отец вернулся с вечерней молитвы, Альмина сама вышла к нему. Раисат ахнула, увидев дочь с решительным лицом.

– Отец, – сказала Альмина, останавливаясь перед Мохьмад-Хьяжем. – Я должна тебе сказать.

Мохьмад-Хьяж нахмурился, почувяв неладное.

– Говори.

– За Адлана я не пойду.

В комнате повисла тишина. Раисат прижала руки к груди, отец медленно положил чётки на столик.

– Что ты сказала? – голос его был спокоен, но в этом спокойствии чувствовалась угроза.

– Я сказала, что не пойду за Адлана, – повторила Альмина, глядя отцу прямо в глаза. Голубые её глаза горели, но не слезами – огнём. – Он приходил сегодня к роднику. Один. Без старших. Ловил меня там, как добычу. Руками трогал. Позволял себе то, что не позволит ни один уважающий себя мужчина. Я не буду его женой.

Мохьмад-Хьяж побелел. Раисат всхлипнула.

– Он... трогал тебя? – глухо спросил отец.

– Да. За косу. И говорил такие слова... какие порядочный человек девушке не скажет.

Отец медленно поднялся. Руки его сжались в кулаки.

– Почему ты сразу не сказала?

– Я говорю сейчас, – Альмина не отвела взгляда. – Я не хотела позорить семью. Но и жить с тем, кто меня не уважает, я не буду. Прости меня, отец, если я тебя ослушалась. Но здесь я ослушаюсь. Даже если ты меня проклянёшь.

Она склонила голову.

В комнате стояла мёртвая тишина. Раисат плакала беззвучно, закрыв лицо руками. Отец смотрел на дочь, и в глазах его боролись гнев, боль и... гордость. Такая гордость, которую он не ожидал увидеть в своей тихой, скромной Альмине.

–Иди к себе, – наконец сказал он. Я подумаю.

Альмина поднялась и вышла, не оглядываясь. А Мохьмад-Хьяж долго ещё сидел, глядя в темноту за окном, и Раисат не решалась к нему подойти.

Зубайр вернулся домой затемно. Он не помнил, как шёл от родника, как брёл по улицам, как оказался во дворе. В голове гудело, перед глазами стояла Альмина – испуганная, но гордая, с мокрым кувшином в руках. И Адлан. Его наглая ухмылка, его рука на её косе.

Зубайр сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он ничего не мог с собой поделать – злость кипела внутри, требуя выхода. Он вошёл в сарай, где стоял топор, и, схватив его, вышел во двор к поленнице. Поленья летели в стороны, раскалываясь с треском, но злость не уходила.

– Зубайр! – окликнул его старший брат Руслан, выходя из дома. – Ты чего это в темноте дрова рубишь? Совсем с ума сошёл?

Зубайр не ответил, продолжая колотить. Руслан подошёл ближе, всмотрелся в лицо брата.

– Случилось что?

– Ничего, – буркнул Зубайр, опуская топор.

– Не ври, – Руслан положил руку ему на плечо. – Говори.

Зубайр молчал долго, потом бросил топор наземь и сел на чурбак, закрыв лицо руками.

– Руслан, – глухо сказал он. – Я не знаю, что со мной. Я видел сегодня... эту девушку, Альмину. Дочку Мохьмад-Хьяжа. К ней сватается этот... Адлан из соседнего села. А он её у родника подловил, один, без стыда и совести. Руками трогал. А я... я не выдержал. Вступился.

Руслан нахмурился, но промолчал.

– Я ему сказал, чтобы убирался, – продолжал Зубайр, не поднимая головы. – Чуть не подрались. А она... она смотрела на меня так... – он запнулся. – А послезавтра её за этого урода просватают. И я ничего не могу сделать! Мне пятнадцать, я мальчишка, щенок, как он меня назвал. Кто я такой, чтобы вставать между ними?

Руслан присел рядом на корточки. В темноте не видно было его лица, но голос звучал неожиданно мягко.

– Ты поступил по-мужски, – сказал он. – Не по годам – по совести. А возраст... возраст не главное. Главное – что у тебя внутри. Ты заступился за честь девушки. Это дорогого стоит.

– А толку? – горько усмехнулся Зубайр. – Её всё равно выдадут. А мне останется только смотреть.

– Кто знает, – Руслан поднялся. – Женщина – не лошадь, силой не возьмёшь. Если она сама не захочет – никакой Адлан её не получит. А ты... ты будь готов. Если судьба даст шанс – не упусти.

Он ушёл в дом, оставив Зубайра одного. Тот ещё долго сидел на чурбаке, глядя в звёздное небо, и думал. Думал о голубых глазах, о длинной косе, о том, как она смотрела на него у родника. И о том, что он, мальчишка, готов хоть завтра пойти против всего мира, только бы защитить её.

Наутро Зулейха, выйдя во двор, ахнула. Вся поленница была переколота, аккуратные дрова лежали горой, а Зубайр сидел на крыльце, осунувшийся, с красными глазами, но спокойный.

– Ты что, всю ночь не спал? – всплеснула руками нана.

– Спал, нана, – соврал он, поднимаясь. – Пойду коня проверю.

Он ушёл в конюшню, а Зулейха посмотрела ему вслед и покачала головой. Что-то изменилось в её младшем сыне за эту ночь. Что-то неуловимое, но важное. Словно он повзрослел сразу на несколько лет.

В конюшне Зубайр подошёл к жеребцу, который всё ещё хромал. Осторожно ощупал ногу, прошептал что-то успокаивающее, и конь ткнулся мордой ему в плечо, словно понимая, что хозяину самому нужна поддержка.

– Ничего, брат, – тихо сказал Зубайр, глядя в умный лошадиный глаз. – Всё будет хорошо. Мы справимся.

А за стеной конюшни вставало солнце, освещая горы, и новый день начинался для троих: для разъярённого Адлана, для решительной Альмины и для мальчишки, который этой ночью стал мужчиной.

Глава 5. Ветер перемен

В то время как в маленьком горском селе разворачивалась драма трёх сердец, большой мир за пределами горных перевалов сотрясали перемены, которым суждено было изменить судьбу каждого, от мала до велика.

1920-й год стал переломным для всей России. Гражданская война, полыхавшая на просторах бывшей империи, близилась к развязке. Главных действующих лиц в этой кровавой драме было двое: красные и белые.

Красные – это большевики, партия рабочих и крестьян, как они себя называли. Их вождь, Владимир Ленин, провозгласил власть Советов и мечтал о мировой революции. Большевики обещали землю – крестьянам, фабрики – рабочим, мир – народам, уставшим от войны. Их

главный лозунг: «Вся власть Советам!» – находил отклик у тех, кто веками жил в бедности и несправедливости.

Белые – это те, кто не принял новую власть: офицеры царской армии, казаки, дворяне, состоятельные горожане. Они воевали за «единую и неделимую Россию», против большевистского хаоса и безбожия. Самой грозной силой белых на юге была Добровольческая армия генерала Деникина .

Были и третьи – меньшевики. Когда-то они шли с большевиками в одной партии, но разошлись во взглядах. Меньшевики считали, что Россия ещё не готова к социализму, что нужно сначала пройти долгий путь демократии. Они выступали за постепенные реформы, против диктатуры и террора. В Гражданской войне меньшевики пытались лавировать между красными и белыми, за что получали от тех и других. Особенно сильны их позиции были в Грузии, где меньшевистское правительство держалось до 1921 года .

Но на Северном Кавказе всё было сложнее, чем в центральной России. Здесь сталкивались не только классы, но и народы, языки, обычаи, вера.

Конец старого мира.

К началу 1920 года армия Деникина, ещё недавно грозная и почти непобедимая, трещала по швам. Красная армия, которой командовал молодой талантливый полководец Тухачевский, теснила белых по всему фронту.

В январе началась решающая Северо-Кавказская операция . Красные части прорывали оборону белых на реке Маныч, громили лучшие кавалерийские соединения Деникина в районе Егорлыкской. В тылу у белых поднимались восстания, партизаны захватывали города.

16 марта Красная армия вошла в Пятигорск, 17 марта красные партизаны взяли Грозный – город, где добывалась нефть, столь нужная и белым, и красным. 24 марта пал Владикавказ, 27 марта – Новороссийск, откуда остатки белой армии в панике грузились на пароходы, чтобы уплыть в Крым .

К апрелю 1920 года на большей части Северного Кавказа установилась Советская власть. Старый мир рухнул. Начиналось новое, неизведанное и пугающее время.

Горская республика: мечта и её крушение.

Но что означала «Советская власть» для горцев? Ведь за годы Гражданской войны они уже успели попробовать и свою государственность.

Ещё в ноябре 1917 года, когда в Петрограде только брали власть большевики, на Северном Кавказе провозгласили независимую Горскую республику . В неё вошли Дагестан, Чечня, Осетия, Кабарда, Балкария, Карачай и даже далёкая Абхазия. Это была попытка горских народов самим строить свою судьбу, опираясь на вековые традиции и законы ислама. Но республика просуществовала недолго: её раздавили с двух сторон – сначала белые, потом красные.

Большевики, придя на Кавказ, не стали восстанавливать независимую Горскую республику. Но они понимали: управлять этими воинственными и свободолюбивыми народами из Москвы жёсткой рукой не получится. Нужен был другой подход.

И здесь большевики проявили удивительную для них гибкость. Нарком по делам национальностей Иосиф Сталин, сам кавказец, хорошо понимал местные особенности. В октябре 1920 года он встретился с горскими коммунистами и изложил новый план .

– У каждого народа: у чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев – должен быть свой национальный Совет, – говорил Сталин. – Который будет управлять делами своего народа, учитывая его быт и особенности .

17 ноября 1920 года во Владикавказе открылся съезд народов Терской области. Сталин огласил Декларацию об образовании Горской Автономной Социалистической Советской Республики .

– Россия понимает, как трудно малым народностям Терека отстоять свою свободу против мировых хищников, – пояснял он. – Автономия – это не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами Советской России .

20 января 1921 года ВЦИК официально утвердил создание Горской АССР в составе РСФСР . Республика включала шесть национальных округов: Чеченский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский, Ингушский и Карачаевский. Города Грозный и Владикавказ стали самостоятельными единицами.

Казалось, найден идеальный компромисс: и Советская власть, и национальное самоуправление. Но это был лишь первый шаг.

Размежевание и «коренизация»

Уже через несколько месяцев Горская республика начала распадаться. Слишком разными были народы, слишком сильны старые противоречия, слишком тяжела была рука Москвы.

В сентябре 1921 года из состава Горской АССР выделилась Кабардинская автономная область, в январе 1922-го – Карачаевская и Балкарская, в ноябре того же года – Чеченская . В июле 1924 года Горская АССР была упразднена окончательно . На её месте возникли Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, а также Сунженский казачий округ.

Большевики проводили национально-государственное размежевание, руководствуясь не столько этнографическими границами, сколько политической целесообразностью . В результате значительная часть осетин оказалась в Грузии (позже там создали Юго-Осетинскую автономную область), а земли, где веками жили аварцы и лезгины, отошли к Азербайджану .

Одновременно с этим большевики начали политику, которую называли «коренизация». Суть её была проста: надо было подготовить из местных жителей новых управленцев, учителей, хозяйственников, судей, которые проводили бы советскую политику, но говорили с народом на родном языке и учитывали местные обычаи .

– Не пройдёт двух-трёх лет, как вы втянетесь и выделите из своей среды учителей, хозяйственников, военных, советских работников, – обещал Сталин на съезде во Владикавказе. – И тогда вы увидите, что научились самоуправляться .

Создавались школы с обучением на национальных языках, разрабатывалась письменность для тех народов, у которых её не было, открывались клубы, избы-читальни . Вчерашние крестьяне и пастухи становились председателями сельсоветов, судьями, командирами красных отрядов.

Но гладко было только на бумаге. На деле «коренизация» проходила тяжело, с кровью и конфликтами.

Горцы и новая власть: недоверие и восстание.

Многие горцы встретили Советскую власть настороженно, а то и враждебно. И были на то причины.

Во-первых, продразвёрстка. Большевики, как и белые до них, требовали хлеб, мясо, скот для армии и городов. Реквизиции проводились жёстко, часто под дулом винтовки, не считаясь с тем, что горцы сами едва сводили концы с концами .

Во-вторых, борьба с религией. Для горцев ислам был не просто верой, а основой всей жизни – от рождения до смерти, от воспитания детей до судебных споров. А большевики начи-

нали закрывать мечети, арестовывать мулл, запрещать шариатские суды. Это воспринималось как покушение на самое святое.

В-третьих, казачество. Терские казаки, жившие на Северном Кавказе с XVI века, в массе своей поддержали белых. И когда красные победили, расправа была жестокой. Около 35 тысяч казаков – с женщинами и детьми – были выселены со своих земель, их станицы переданы чеченцам и ингушам . Это породило глухую ненависть, которая тлела годами.

В-четвёртых, чрезвычайщина. Власть на местах часто творили не грамотные советские работники, а вчерашние красноармейцы с наганами, особисты из ЧК, которые привыкли решать вопросы грубо и быстро . Они не знали и не хотели знать местных обычаев, они видели в каждом горце потенциального врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.